

Этнические стереотипы и предрассудки современной российской молодежи

Левченко Валерий Витальевич

Д-р психол. наук, зав. каф. социологии и политологии
ORCID: 0000-0002-7627-9162, e-mail: levv66@mail.ru

Павленина Татьяна Юрьевна

Магистрант
ORCID: 0009-0004-4584-9697, e-mail: monster.bird@mail.ru

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические основы анализа этнических стереотипов и предрассудков, сложившиеся в современной социологической и социально-психологической науке. Выделены закономерности данного явления, характерные для современного общества. Приведены результаты собственного эмпирического исследования этнических стереотипов и предрассудков современной российской молодежи, которые позволили выявить региональную специфику проявления данного феномена у пермской молодежи по сравнению с московской. Специфика выявлялась по поведенческим (поведение в процессе межэтнического конфликта; наличие межличностных отношений с представителями другого этноса; установка на определенный тип отношений с представителями другой этнической группы), когнитивным (представления о своем и другом этносах; доверие к услугам, оказываемым представителями разных этносов, мигрантами; доверие к представителям различных этносов) и эмоциональным параметрам (эмоциональное отношение к культуре и традициям другого этноса; эмоциональное отношение к межэтническому конфликту). Уточнены основные факторы, оказывающие влияние на формирование этнических стереотипов и предрассудков у пермской и московской молодежи. Данные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения региональных особенностей межэтнических отношений и этнических стереотипов, предрассудков, их динамики и эффективного взаимодействия этнофоров, а также для оптимизации процесса межэтнических отношений.

Ключевые слова

Этнические стереотипы, автостереотипы, гетеростереотипы, этнические предрассудки, этническая идентичность, этнофор, межэтническое взаимодействие

Для цитирования: Левченко В.В., Павленина Т.Ю. Этнические стереотипы и предрассудки современной российской молодежи // Вестник университета. 2024. № 3. С. 186–196.

Ethnic stereotypes and prejudices of modern Russian youth

Valery V. Levchenko

Dr. Sci. (Psy.), Head of the Sociology and Political Science Department
ORCID: 0000-0002-7627-9162, e-mail: levv66@mail.ru

Tatyana Yu. Pavlenina

Graduate Student
ORCID: 0009-0004-4584-9697, e-mail: monster.bird@mail.ru

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract

The article examines the theoretical foundations of the analysis of ethnic stereotypes and prejudices that have developed in modern sociological and socio-psychological science. The patterns of this phenomenon characteristic of modern society are highlighted. The results of the authors' own empirical study of ethnic stereotypes and prejudices of modern Russian youth are presented that made it possible to identify the regional specificity of the manifestation of this phenomenon among Perm youth and to compare it with the Moscow youth. The specificity was identified according to behavioural (behaviour in the process of interethnic conflict; existence of interpersonal relationships with representatives of another ethnic group; orientation towards a certain type of relationship with representatives of another ethnic group), cognitive (knowledge about representatives of their own and other ethnic groups; trust in services provided by representatives of different ethnic groups and by migrants; trust in representatives of different ethnic groups) and emotional parameters (emotional attitude to the culture and traditions of another ethnic group; emotional attitude to interethnic conflict). The main factors influencing the formation of ethnic stereotypes and prejudices among Perm and Moscow youth are clarified. These results can be used for further study of regional characteristics of interethnic relations and ethnic stereotypes, prejudices, their dynamics and effective interaction of ethnophors as well as to optimise the process of interethnic relations.

Keywords

Ethnic stereotypes, autostereotypes, heterostereotypes, ethnic prejudices, ethnic identity, ethnophor, interethnic interaction

For citation: Levchenko V.V., Pavlenina T.Yu. (2024) Ethnic stereotypes and prejudices of modern Russian youth. *Vestnik universiteta*, no. 3, pp. 186–196.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования этнических стереотипов и предрассудков современной российской молодежи обусловлена мобилизацией проблемы этнической идентичности в условиях появляющегося этнокультурного кризиса личности, который является следствием модернизации и глобализации социальных, экономических, культурных, идейно- и военно-политических сфер жизни. Проблемой этнических стереотипов и предрассудков выступает социальная напряженность между этнофорами, социальными группами. Современная молодежь чаще считает себя гражданами мира, что размывает этнокультурную идентичность и нивелирует этническое различие между общностями. С одной стороны, статус «гражданин мира» ставит под сомнение этнический вопрос в межкультурной коммуникации, с другой – исчезает цивилизация, которая основывается на социокультурных признаках этноса.

Этнические стереотипы и предрассудки долгое время были предметом исследования представителей социологии, психологии, антропологии, культурологии и политики. Этнос по Л.Н. Гумилеву – это некая социальная группа, которая сложилась под уникальным стереотипом поведения, наделенная собственными традициями и культурой. Появление этносов связано с развитием конкретного типа цивилизации и следующего за цивилизацией гомеостазиса [1]. Этнофоры обеспечивают существование и поддержание цивилизации, воспроизводят такие ее функции, как регуляция, адаптация, репрессия, интеграция и унификация [2].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Этническая культура или цивилизация формирует большой пласт проблем в постиндустриальном обществе. Этнические стереотипы – это упрощенные представления о конкретных этносах. Этнический предрассудок – это тип этнического стереотипа, который часто отражает априорную негативную ориентацию на этнофор или этническую группу [3].

Выделяют следующие группы факторов, которые оказывают влияние на этнические стереотипы и предрассудки: социально-демографические, социокультурные, геополитические, территориальные. Функционирование данных факторов обусловлено процессами глобализации и модернизации в постиндустриальном обществе [4]. Отечественные исследователи этнических процессов выделяют такой фактор, как национальный состав семьи, и определяют, что к этническим предрассудкам и стереотипам склонны представители моноэтнических семей. Национальные элементы, в том числе и диалог культур в среде, где социализируется индивид, будут склонять его, скорее всего, к толерантному отношению к представителям других этносов. Такой индивид станет избегать пассивно-агрессивной или открыто-агрессивной коммуникации с этнофорами. Уровень образования родителей в значительной степени влияет на формирование этнического и этнологического самосознания личности [5].

Следует выделить локальные социальные процессы, которые способствовали появлению этнических стереотипов и предрассудков. Это этническая ассимиляция, формирование которой происходило с последующей аккультурацией социальных групп; амальгамизация, которая для Р.Х. Касимова стала отправной точкой для определения этноса и языка в развитии цивилизации; апофеозом проявления этнических стереотипов и предрассудков принято считать этнический конфликт [6].

При изучении этнических стереотипов исследователи нередко оценивали уровень самосознания респондентов: как часто испытуемые выбирали черты автостереотипов и гетеростереотипов, то есть соответствие самосознания этническому или этнологическому типу. Если индивид чаще определял черты другого этноса, отличного от своего, то у него проявлялось этнологическое самосознание – индивид определял место и роль другого этноса в социальной структуре. В противоположной ситуации, если индивид чаще описывал этнофора – представителя своего этноса, то у испытуемого проявлялось этническое самосознание, то есть индивид определял место, ценности своей этнической группы [7].

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В зарубежных и отечественных школах существуют многообразные подходы, теории к пониманию этнических стереотипов и предрассудков. Теория авторитарной личности и представление о стереотипах, предрассудках у Т.У. Адорно были близки к концепции С.Ф. Хантингтона, который находил в стереотипе упрощение жизни. Стереотипы лишают человека возможности прилагать усилия для оценивания какого-либо субъекта. На волне антисемитских настроений Т.У. Адорно рассматривал этноцентризм как отличительное

свойство авторитарной личности, склонной к дихотомическому мышлению [8–10]. Теория фрустрации и агрессии подчеркивает, скорее, психологический аспект личности в системе межэтнических отношений, чем социальный статус индивида и его уровень самосознания, как это указывали в предыдущих теориях и концепциях. Данные теории относятся к психогенному подходу определения предубеждений.

Также можно выделить ситуационный подход к предубеждениям. Главным представителем этого подхода можно считать М. Шерифа. Он объясняет причинность возникновения социальной напряженности между представителями разных социальных групп конкретной ситуацией, в которой оказались этнофоры. Другой подход, феноменологический, объясняет возникновение предрассудков и стереотипов самовосприятием этнофора в отношении других этнических групп влиянием личного опыта, ценностей, культурным кодом [11].

И.С. Кон относит к аспектам этнического стереотипа социальную стратификацию статусов и ролей, идеологию в индивидуальном и в массовом сознании и индивидуальные реакции. Данный тезис свидетельствует о том, что этнофор осознает себя в социальном пространстве и определяет место другого этнофора в социальной структуре, то есть проявляет и первый, и второй уровни самосознания (этнический и этнологический) [12].

Б.Ф. Поршнев рассматривает этнические отношения через призму «мы – они». Предпосылкой развития этнического самосознания в межэтнических взаимодействиях он считал не антропологические признаки, а социальные, культурные основания, что больше поддерживается социологами, а не психологами. Также он рассматривал такой фактор, как трудовая деятельность, которую считал важнейшей при формировании этнокультурной идентичности личности [13].

Фаворитизм и явление «зеркального образа» тоже могут быть рассмотрены как предпосылки развития этнических предрассудков, стереотипов. Противоборствующие социальные группы склонны воспринимать положительные черты представителей своей социальной группы. У представителей другой, противостоящей социальной группы, скорее, будут выявлены отрицательные черты [14]. Здесь появляются такие понятия, как автостереотип и гетеростереотип, изучением которых занимался В.С. Агеев. Автостереотипы предстают перед исследователем как стереотипы относительно своего этноса, гетеростереотипы – стереотипы в отношении других этнофоров, отличных от исследователя. Здесь можно снова выйти на уровни самосознания личности: автостереотипы отражают первый уровень самосознания, он же этнический; гетеростереотипы относятся ко второму уровню самосознания – этнологическому. В то же время у В.С. Агеева появляется тезис о том, что этнические стереотипы являются типом этнических предрассудков, а не наоборот, как было заявлено зарубежными исследователями [15].

Ю.В. Арутюнян в своих исследованиях рассматривает все многообразие этносов, проводит анализ динамики развития этнического самосознания, акцентируя внимание на том, как респондент определяет свой этнический статус в социальной структуре [16].

В ходе анализа представлений об этнических стереотипах и предрассудках было выявлено заметное отличие зарубежных школ от отечественных – это больший акцент на предрассудках, в отечественных школах предрассудок, скорее, является понятием, дополняющим стереотип. В зарубежных школах также рассматривают этнос как продолжение цивилизации. В отечественных школах этот миф не так распространен и на него исследователи почти не ссылаются.

К структуре этнического стереотипа относят: осознание особенностей своей или другой этнической группы (когнитивный компонент); эмоциональную оценку особенностей, присущих определенной этнической группе (эмоциональный компонент) и выбор поведения по отношению к определенной этнической группе (поведенческий компонент).

Основными предпосылками проявления негативного поведенческого компонента этнических стереотипов и предрассудков являются негативные или неустойчивые эмоциональные и когнитивные компоненты [17; 18].

При изучении этнических стереотипов и предрассудков молодежи принято выделять следующие, свойственные ей характеристики: этнонигилизм, позитивные автостереотипы, этнофанатизм, этноизоляционизм. Молодежь с доминирующим этнонигилизмом способна проявлять позитивные гетеростереотипы или вообще не обращать внимание на этнос других личностей. Позитивные автостереотипы могут проявляться у коммуникабельной молодежи. Сравнение иного этнофора будет не с чужой этнической группой, а со своей. Этнофанатизм может проявляться в равной мере с этноизоляционизмом, крайняя форма является предпосылкой к ксенофобии [19].

Анализ данной проблемы показал, что сегодня уделяется недостаточное внимание исследованию этнических стереотипов и предрассудков современной российской молодежи, прежде всего на региональном уровне. В связи с этим нами было проведено исследование этнических стереотипов и предрассудков, а также факторов, обуславливающих их, у современной российской молодежи с учетом их региональных особенностей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

В мае 2023 г. авторами статьи был проведен опрос молодежи Перми и Москвы, в ходе которого выявились этнические стереотипы и предрассудки молодых людей. В качестве эмпирических показателей понятия этнического стереотипа были использованы:

- представления о своем и другом этносах;
- доверие к услугам, оказываемым представителями разных этносов (услуги, оказываемые мигрантами);
- доверие к представителям различных этносов;
- эмоциональное отношение к культуре и традициям другого этноса;
- эмоциональное отношение к межэтническому конфликту;
- поведение в процессе межэтнического конфликта;
- наличие межличностных отношений с представителями другого этноса;
- установка на определенный тип отношений с представителями другой этнической группы.

Выявлено, что положительный автостереотип является достаточно частым явлением среди молодежи (79,8 %). Положительный гетеростереотип присутствует у 12,4 % респондентов, а сочетание положительных авто- и гетеростереотипов – у 10,1 %.

Почти 1/5 респондентов имеет склонность к контрстереотипному поведению. У молодежи, которая наделяет положительными чертами другие этносы, в то же время отсутствует проявление положительных автостереотипов.

Чуть больше половины опрошенных имеет положительное и скорее положительное отношение к традициям и культуре других этносов (51 %). 41 % респондентов указали на наличие нейтральной позиции. Только у 7 % прослеживается негативное отношение к культуре других этносов. Несмотря на то, что у большинства молодежи отсутствует положительный гетеростереотип, больше половины опрошенных положительно относятся к культуре и традициям других этносов. Это может быть связано с тем, что существует дифференциация сфер жизни (культура и традиции не влияют на формирование стереотипов, в то время как стереотипы формируются из опыта жизни конкретного респондента).

Лишь 4 % молодежи являются инициаторами межэтнического конфликта. Около 1/5 занимает нейтральную позицию при конфликтных ситуациях. 10 % пытаются разрешить межэтнический конфликт. 1/4 молодежи избегает конфликта между этносами и 40 % прибегают к разным стратегиям поведения.

При сравнении молодежи двух городов выяснилось, что в Перми примерно одинаковое количество респондентов избегают межэтнических конфликтов и выбирают стратегии поведения в зависимости от этносов (30 и 32,5 % соответственно); в Москве ведущая стратегия – ситуативный подход, то есть существует зависимость от этносов, участвующих в конфликте (45 %).

Можно отметить, что респонденты чаще всего доверяют русским и татарам (88 и 73 % соответственно). Реже всего доверяют арабам (51 %). Низкий уровень доверия к украинцам может быть обусловлен современной социально-политической ситуацией и информационной политикой государства. Молодые люди, которые доверяют представителям своего этноса, склонны доверять и представителям другого этноса. Отсутствуют респонденты, которые доверяют другому этносу, но не доверяют своему. Только 41 % молодежи доверяет услугам, оказываемым представителями других этносов. Следует заключить, что среди молодежи отсутствует доверие к подобным услугам. Пермляки чаще затрудняются ответить на данный вопрос и не выражают свое недоверие, как это делают москвичи.

Отношение молодежи к межэтническому конфликту или отрицательное (40 %), или нейтральное (19 %), или зависит от того, между какими этносами происходит конфликт (31 %). Лишь 9 % опрошенных относится к такому конфликту положительно.

Также было выявлено, что респонденты часто состоят в родственных и дружеских отношениях с русскими (54 и 33 %). В отношениях знакомства и в дружеских отношениях с украинцами состоят 25 и 24 % молодежи соответственно. Украинцы – этнос, с которым имеют деструктивные отношения наиболее

часто (14 %). С татарами похожая ситуация – 29 и 26 %. С грузинами у 42 % отношения отсутствуют. С индийцами реже всего имеют деструктивные отношения (1 %). В целом, 49 % молодых людей состоят в дружеских отношениях с представителями других этносов.

В исследовании этнических стереотипов была использована шкала социальной дистанции. Получены следующие результаты. Молодежь в качестве жителей одного города выбирала индийцев, африканцев, китайцев, арабов. В качестве соседей чаще всего выбор был остановлен на евреях. Молодые люди стали бы учиться с китайцами, индийцами, армянами, арабами. В качестве друзей оказались бы армяне, евреи и арабы. Реже всего выбирали украинцев. Родственниками были выбраны украинцы, татары и русские, а членами семьи – русские, украинцы и татары. Среди пермской молодежи больше тех, кто не хочет видеть представителя другого этноса в качестве члена своей семьи (67,5 %). У москвичей похожая ситуация – 58,3 % опрошенных.

Около 1/5 опрошенных мужчин занимают нейтральную позицию и избегают конфликта. Женщины чаще избегают конфликтов (26,4 %). Только 4 % мужчин и женщин являются инициаторами межэтнического конфликта. 15 % опрошенных пытаются его разрешить, а для 40 % мужчин и женщин стратегия поведения зависит от этносов.

Среди московских женщин чаще всего используется ситуативная стратегия участия в конфликте (43,6 %). Пермские женщины стараются избегать конфликта (42,9 %). Рассматривая мужчин, можно сказать, что у пермяков и москвичей похожие стратегии – ситуативные (47,6 и 34,6 % соответственно).

При анализе влияния возрастной группы на отношение к традициям и культуре другого этноса были получены следующие результаты. У московской молодежи возрастной группы 18–20 лет положительное отношение к традициям других этносов (55 %). Среди пермской молодежи данной возрастной группы 61,6 % положительно относятся к культуре других этносов. Нейтральное отношение к традициям других этносов прослеживается у московской молодежи (30 %) в возрасте 18–20 лет, у пермской молодежи – 15,4 %. Всего у 15 % молодых москвичей и пермяков проявляется отрицательное отношение к инокультуре.

В возрастной группе 21–23 года часто встречается нейтральное отношение у москвичей и пермяков (54,3 и 42,9 %). Это же касается возрастной группы 24–26 лет, в которой доминирует нейтралитет (60 и 33,3 %). Отрицательное отношение у возрастной группы 21–26 лет почти не проявляется. Можно сказать, что именно у молодых людей 18–20 лет более деструктивное восприятие других культур.

50 % армян избегают участия в межэтнических конфликтах или же их стратегия поведения – ситуационная. Те респонденты, которые считают себя гражданами мира, чаще избегают этнических конфликтов (66,7 %). Все респонденты-грузины также избегают подобного участия. 33,3 % евреев занимают нейтральную позицию, 33,3 % не принимают участия в конфликте, и 33,3 % прибегают к ситуационной стратегии. Равные доли коми-пермяков занимают нейтральную позицию, пытаются разрешить конфликт, избегают его и применяют ситуационную стратегию (по 25 %). 44,3 % русских используют ситуационную стратегию, 22,9 % воздерживаются от участия в конфликте, и всего 2,9 % являются инициаторами. Среди украинцев 25 % провоцируют конфликтную ситуацию.

В ходе опроса было выявлено, что респонденты, предпочитающие материальную обеспеченность, чаще ситуационно относятся к межэтническому конфликту (39,4 %). Молодежь, которая ценит хорошее образование, нередко отрицательно относится к межэтническому конфликту (41 и 2 %). Всего 9,7 % респондентов с семейными ценностями положительно относятся к межэтническому конфликту. В то же время 58 % рассматривают это явление с отрицательной точки зрения.

Респонденты с гедонистическими взглядами чаще всего выбирают ситуационную стратегию, то есть их отношение к конфликту зависит от того, между какими этносами он происходит (47,4 %). Молодежь, склонная к самореализации, тоже в основном относится к конфликту ситуационно (34,6 %).

У молодежи, стремящейся к признанию другими людьми, чаще всего относится к конфликту нейтрально (33,3 %). Это может быть обусловлено тенденцией к конформизму.

Среди молодежи, которая поддерживает ценность «мир и стабильность в обществе», 11,1 % рассматривают межэтнический конфликт положительно, 5,6 % – нейтрально, 44,5 % – отрицательно. 38,9 % респондентов ответили, что их отношение зависит от этносов, между которыми происходит конфликт.

Рассматривая данные, полученные от студентов разных курсов, можно выявить следующие закономерности: около 60 % опрошенных первых трех курсов положительно относятся к культуре и традициям

другого этноса. Нейтральная реакция проявляется у трети респондентов первых курсов. Проявление отрицательного отношения у студентов первых курсов практически отсутствует (около 5 %). 44 % респондентов 4-го курса и старше относятся положительно к традициям и культуре других этносов, и только 8,5 % – отрицательно. Исследуя каждый курс отдельно, можно заключить, что у студентов старших курсов уровень принятия, толерантности традиций и инокультуры чуть ниже.

Для респондентов технических специальностей было бы желательно, чтобы представители других этносов являлись жителями их города (83,3 %). Всего 16,7 % молодежи, занимающейся техническими науками, хотели бы видеть других этнофоров в качестве членов своей семьи. Опрошенные гуманитарных специальностей чаще выбирали представителя другого этноса в качестве жителя города, в котором проживает сам респондент (79,2 %). 50 % ответили, что приняли бы других этнофоров в свою семью. Молодежь естественно-научных специальностей тоже часто выбирала этнофора в качестве члена своей семьи и жителя одного города (40 и 65 %). Иная ситуация у респондентов творческой специальности: 64,3 % хотели бы видеть других этнофоров в качестве однокурсников, 57,1 % респондентов – в качестве жителей одного города, и 42,9 % – в качестве родственников. Таким образом, несколько большая социальная дистанция прослеживается у представителей технических специальностей.

У большинства молодежи, у которой место первичной и вторичной социализации не совпадает, отношения с другими этнофорами практически отсутствуют (82,9 %), а отношения знакомства, любовные и родственные отношения встречаются чаще, чем у молодежи, у которой место социализации совпадает.

У москвичей реже, чем у пермяков, отсутствуют отношения с другими этнофорами. Почти в равной степени у обеих категорий присутствуют деструктивные отношения с представителями других этносов. У москвичей родственные отношения встречаются чаще, чем у пермяков. Что касается супружеских отношений с другими этнофорами, то пермяки вступают в них чаще, чем москвичи. Любовные отношения в одинаковой мере присутствуют и у пермяков, и у москвичей. В то же время у москвичей дружеские отношения с представителями других этносов встречаются чаще, чем у пермяков.

При анализе респондентов по смене места социализации получились следующие данные. У коренных москвичей чаще имеются отношения знакомства, а у некоренных – дружеские или же отношения вообще отсутствуют. У пермяков, вне зависимости от совпадения первичного и вторичного места социализации, чаще отношения знакомства, однако отношения могут также отсутствовать.

Молодые люди из села, деревни чаще занимают нейтральную позицию в межэтнических конфликтах (50 %), 12,5 % пытаются их разрешить или избегают, 25 % используют ситуативную стратегию. 42,9 % молодежи из небольших городков используют ситуативную стратегию, 9,5 % являются инициаторами конфликта или пытаются его разрешить. Около 40 % респондентов из города среднего размера и столичного города занимают нейтральную позицию и принимают ситуативную стратегию. Следует подчеркнуть, что молодежь из села и из города средних размеров никогда не была инициатором конфликта.

Молодежь, в семьях которых есть родители с высшим образованием, считают других этнофоров скромными, толерантными, гостеприимными, робкими, замкнутыми, хладнокровными или националистами реже, чем молодежь, у которой в семье родители без высшего образования.

У москвичей, имеющих высшее образование, часто встречаются следующие характеристики этносов: открытые (50 %), гостеприимные (59,6 %), замкнутые (51,9 %) и националисты (51,9 %). Самая непопулярная характеристика другого этноса у них – милосердные (26,9 %). Среди москвичей, не имеющих высшего образования, 71,4 % ответили, что другие этносы скромные, толерантные, щедрые, гостеприимные. Самая непопулярная характеристика у них – доброжелательные (14,3 %).

У пермяков, в семье которых есть люди с высшим образованием, другие этносы чаще всего открытые (63,3 %), гостеприимные (80 %), доброжелательные (73,3 %), но в то же время националисты (63,3 %) и корыстные (63,3 %). Самые редко встречающиеся характеристики другого этноса – милосердные (33,3 %) и робкие (30 %). Пермяки, в семье которых нет людей с высшим образованием, нередко наделяют другие этносы такими характеристиками, как толерантность (70 %), щедрость (80 %), гостеприимность (80 %), замкнутость (80 %), корыстность (70 %), хладнокровность (70 %). Редко встречаются такие ответы: чопорность (40 %), робость (40 %), тактичность (40 %), честность (10 %), милосердие (10 %).

Анализируя ответы москвичей и пермяков, можно выделить сходство: молодежь редко наделяет этносы милосердием, неоднократно встречаются открытость, толерантность, щедрость, гостеприимность.

Заметим, что у молодежи из мононациональной семьи чаще присутствуют отношения знакомства (66,7 %). У молодежи из полинациональной семьи – приятельские отношения (72,2 %), отношения знакомства (61,1 %), дружеские (66 %) и родственные отношения (50 %).

Анализируя влияние этнического состава семьи на отношения с другими этносами, также отметим, что москвичи из мононациональных семей чаще всего знакомы с другими этносами (66,7 %), реже всего – состоят в браке (3,9 %). Москвичи из полинациональных семей чаще всего имеют дружеские отношения или вообще не имеют никаких отношений с другими этнофорами (по 75 %), и никто из них не вступает с ними в брак.

Среди пермяков из моноэтнических семей больше тех, кто знаком с другими этнофорами. Реже всего присутствуют супружеские отношения (6,7 %). Пермяки из полинациональных семей чаще имеют приятельские отношения (90 %). Супружеские отношения отсутствуют. В результате исследования была выявлена тенденция: этнический состав семьи положительно влияет на межэтнические отношения молодежи.

Половина молодежи, предпочитающая газеты и журналы, выбирает ситуативную стратегию поведения при межэтническом конфликте. Около 15 % молодежи, предпочитающей телевидение и интернет, нейтрально относятся к этноконфликту. У московской молодежи, которая использует интернет как источник информации, чаще всего отношение к межэтническому конфликту зависит от того, между какими этносами он происходит (42,3 %). 11,5 % молодых людей относятся положительно к межэтническим конфликтам, 30,8 % – отрицательно. У московской молодежи, которая предпочитает газеты и журналы, положительное видение этноконфликта встречается реже всего (2,7 %), у 29,7 % – отрицательное, больше половины молодых людей относится к конфликту исходя из того, между какими этносами случается конфликт (56,8 %). 40 % опрошенных москвичей, которые предпочитают телевизор как источник информации, занимают ситуативную позицию. Половина такой молодежи отрицательно относится к межэтническому конфликту, а те, кто его оценивают положительно, отсутствуют.

Среди пермяков, выбирающих источником информации интернет, 56,7 % относятся к конфликту отрицательно, 21,6 % – нейтрально, и 5,4 % – положительно. Пермяки, выбирающие газеты и журналы, реже всего рассматривают межэтнические конфликты в негативном ключе (16,6 %). Обычно их отношение зависит от того, между какими этносами происходит конфликт (33,3 %). Пермская молодежь, предпочитающая телевизор в качестве источника информации, наиболее часто оценивает межэтнический конфликт как отрицательное явление (60 %). Выявлена зависимость отношения к межэтническому конфликту от использования конкретных средств получения информации: те, кто смотрят телевизор, склонны более отрицательно относиться к межэтническому конфликту; среди тех, кто использует прочие источники информации, отношение, скорее, имеет ситуативный характер, то есть зависит от этносов, между которыми происходит конфликт.

Рассмотрим влияние религии. 43,1 % молодых людей, которые исповедуют христианство, предпочитают ситуативную стратегию поведения в конфликтной ситуации, 16,7 % занимают нейтральную позицию, 11,1 % пытаются его разрешить, 22,2 % – избегают. Среди атеистов 26,3 % молодежи занимают нейтральную позицию, 10,5 % пытаются разрешить конфликт, 31,6 % избегают его, а 21,1 % придерживаются ситуативной стратегии поведения. Среди москвичей-христиан больше доля тех, кто будет проводить такую стратегию поведения, которая зависит от того, между какими этносами случается межэтнический конфликт (51,1 %), 17,8 % придерживаются нейтралитета, а 4,4 % являются инициаторами. Среди москвичей-атеистов 44,4 % респондентов избегают межэтнического конфликта, а 22,2% занимают нейтральную позицию. Среди пермяков-христиан 33,3 % респондентов избегают конфликта, 7,4 % являются инициаторами конфликта и 29,6 % займут такую позицию, которая будет зависеть от этносов, между которыми возникло разногласие. Равные доли пермяков-атеистов ответили, что нейтральны в этом вопросе или же обращают внимание на этносы, между которыми происходит конфликт (30 %). Следует отметить, что среди атеистов Перми и Москвы отсутствуют респонденты, являющиеся инициаторами.

Молодежь, придерживающаяся мнения о том, что специальная военная операция (далее – СВО) – этнополитический конфликт, нередко выбирает ситуативную стратегию поведения при межэтническом конфликте (57,8 %). 38,2 % молодежи, считающей СВО политическим конфликтом, придерживается той же стратегии. 35,5 % молодых людей, которые затруднились ответить, предпочитают избегать межэтнического конфликта. Для москвичей, которые считают СВО этнополитическим или политическим

конфликтом, предпочтительной стратегией тоже является ситуативная, то есть их поведение зависит от этносов, между которыми происходит разногласие (60 и 38,1 % соответственно). Для пермяков складывается такая же ситуация (53,3 и 58,5 % соответственно).

В исследовании также были выделены три типа респондентов с различным отношением к этническим стереотипам (доброжелательный, недоброжелательный, толерантный) по следующим основаниям: отношение к межэтническому конфликту, поведение при конфликте между представителями разных этносов, наличие доверия к представителям разных этносов. Среди опрошенных преобладает доброжелательный тип, реже всего встречается недоброжелательный.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая полученные результаты, отметим, что среди молодежи довольно часто встречается положительный автостереотип. Сочетание положительных авто- и гетеростереотипов наблюдается реже. При этом проявление положительных и отрицательных гетеростереотипов примерно одинаково. Также присутствует контрстереотипная форма поведения, то есть молодежь наделяет положительными чертами представителей других этносов чаще, чем свой. Молодым людям свойственно положительно относиться к традициям и культуре других этносов. Выявлено также, что существуют этносы, с которыми социальная дистанция у опрошенных выше (арабы, китайцы, индийцы). Более «братские народы» – русские, украинцы, татары.

Современная российская молодежь чаще всего придерживается ситуативной стратегии поведения при межэтнических конфликтах. Можно сказать, что молодежь, которая доверяет представителям своего этноса, склонна доверять и представителям другого этноса. Однако в то же время молодежь склонна не доверять услугам, которые оказывают другие этнофоры. Чаще всего молодые люди отрицательно относятся к межэтническому конфликту. Любовные и супружеские отношения с представителями других национальностей встречаются редко. У молодежи это отношения знакомства, приятельские или же дружеские отношения. Молодежь также сохраняет дистанцию с другими этнофорами, чаще соглашаясь жить с ними в одном городе, чем в одной семье. Кроме того, среди опрошенных преобладает доброжелательный тип, реже всего встречается недоброжелательный.

В ходе исследования было выявлено, что на этнические стереотипы и предрассудки современной российской молодежи влияют такие факторы, как возраст (с увеличением возраста усиливается нейтральное отношение); курс обучения (чем старше курс, тем больше проявляется нейтралитет); специальность (молодежь технической специальности чаще держит дистанцию с другими этнофорами); место социализации (молодежь, у которой место социализации не совпадает с местом проживания, в большинстве случаев предпочитает отношения знакомства, любовные, родственные отношения с представителями других этносов, чем молодежь, у которой место социализации совпадает); наличие высшего образования у родителей (молодежь, чьи родители имеют высшее образование, наделяет других этнофоров такими характеристиками, как национализм, закрытость, хладнокровность чаще, чем молодежь, у которой родители без высшего образования); этнический состав семьи (молодежь из полиэтнической семьи чаще наделяет представителей других этносов положительными чертами, чем молодежь из моноэтнической семьи).

При сравнении двух больших групп молодежи – москвичей и пермяков – следует выделить следующие тенденции.

1. У пермяков и москвичей много сходств, которые выражаются в характеристиках этносов. Довольно часто этнофоры предстают для них как открытые, гостеприимные, толерантные, доброжелательные, щедрые. В это же время они наделяют другие этносы такой характеристикой, как национализм. Вышеперечисленные черты отражают социально-личностную сферу взаимодействия.

2. У приезжих москвичей более дружеское отношение к этнофорам, чем у приезжих пермяков. У коренных москвичей менее выделяются приятельские отношения, чем у коренных пермяков.

3. Среди приезжих москвичей нет тех, кто относился бы отрицательно к традициям и культуре других этносов, чем среди приезжих пермяков. Москвичи склонны к нейтральному отношению, а пермяки – к положительному.

В целом данное исследование отражает как типичные черты в отношении этнических стереотипов, предрассудков московской и пермской молодежи, так и их некоторые отличительные особенности.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Ленинградский государственный университет; 1989. 526 с.
2. Кузнецова Е.В. Культура и цивилизация: проблема взаимосвязи (исторический и теоретико-методологический аспекты). Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015;2(22):19–24.
3. Ильюшкин В.В. Стереотипы межнационального восприятия. International scientific review. 2014;1.
4. Марков Г.Е. Этнические общности как историческая категория. Советская этнография. 1986;4:69–72.
5. Щербак Е.В. Этнические стереотипы в среде учащейся молодежи. Дискуссия. 2016;11(74):88–92.
6. Berry J.W., Kim U., Power S., Young M., Vijaki M. Acculturation attitudes in plural societies. Applied Psychology. 1989;2(38):185–206. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1464-0597.1989.tb01208.x>
7. Новиков А.А., Новикова И.А. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты. Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019;4(10):977–989. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989>
8. Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Ю. Новикова. М.: АСТ; 2006. 571 с.
9. Галушко В.Г. Стереотипы и стереотипизация как проблема этнокультурных исследований. Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2018;2(30):126–134.
10. Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. The authoritarian personality. New York: Harper & Brothers; 1950. 1072 p.
11. Семечкин Н.И. Социальная психология: учебник для вузов. 2^е изд., испр. и доп. М.: Юрайт; 2023. 423 с.
12. Байбурин А.К., Кон И.С. (ред.) Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука; 1991. 318 с.
13. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука; 1979. 235 с.
14. Балева М.В. Влияние произвольной групповой самоидентификации на социальную перцепцию групп разного типа. Сибирский психологический журнал. 2018;68:109–130.
15. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 1990. 240 с.
16. Шулунова Л.П., Мусакулова Д.А. Обращение к народному искусству в сфере досуга как фактор формирования этнического самосознания. Система ценностей современного общества. 2011;20:275–279.
17. Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве. Национальный психологический журнал. 2012;2(8):90–94.
18. Налчаджян А.А. Этногенез и ассимиляция: психологические аспекты. М.: Когито-Центр; 2004. 214 с.
19. Вацура В.В. Особенности этнических гетеростереотипов у молодежи с разным типом этнической идентичности. Молодой ученый. 2019;51(289):451–453.

References

1. Gumilyov L.N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth. Leningrad: Leningrad State University; 1989. 526 p. (In Russian).
2. Kuznetsova E.V. Culture and civilization: the problem of relationship. Historical and theoretical and methodological aspects. Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology. 2015;2(22):19–24. (In Russian).
3. Ilyushkin V.V. Stereotypes of interethnic perception. International scientific review. 2014;1. (In Russian).
4. Markov G.E. Ethnic communities as a historical category. Soviet ethnography. 1986;4:69–72.
5. Scherbak E.V. Ethnic stereotypes among students. Discussion. 2016;11(74):88–92. (In Russian).
6. Berry J.W., Kim U., Power S., Young M., Vijaki M. Acculturation attitudes in plural societies. Applied Psychology. 1989;2(38):185–206. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1464-0597.1989.tb01208.x>
7. Novikov A.A., Novikova I.A. Ethnic stereotypes in intercultural communication: psychological and semantic aspects. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2019;4(10):977–989. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989>
8. Huntington S.P. The clash of civilizations. Trans. from Eng. Yu. Novikova. Moscow: AST; 2006. 571 p. (In Russian).
9. Galushko V.G. Stereotypes and stereotyping as a problem of ethnocultural research. Scientific Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. 2018;2(30):126–134. (In Russian).
10. Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. The authoritarian personality. New York: Harper & Brothers; 1950. 1072 p.
11. Semechkin N.I. Social psychology: textbook for universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Urait; 2023. 423 p. (In Russian).
12. Bajburin A.K., Kon I.S. (eds.) Ethnic stereotypes of male and female behaviour. St. Petersburg: Nauka; 1991. 318 p. (In Russian).

13. *Porshnev B.F.* Social psychology and history. Moscow: Nauka; 1979. 235 p. (In Russian).
14. *Baleva M.V.* The effects of ingroup self-identity on the social perception of different groups. *Siberian Journal of Psychology*. 2018;68:109–130. (In Russian).
15. *Ageev V.S.* Intergroup interaction: socio-psychological problems. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1990. 240 p. (In Russian).
16. *Shulunova L.I., Musakulova D.A.* Appeal to folk art in the sphere of leisure as a factor in formation of ethnic identity. The value system of modern society. 2011;20:275–279. (In Russian).
17. *Minyar-Belorucheva A.P., Pokrovskaya M.E.* Ethnic stereotypes in the modern linguistic space. *National Psychological Journal*. 2012;2(8):90–94. (In Russian).
18. *Nalchadzhyan A.A.* Ethnogenesis and assimilation: psychological aspects. Moscow: Cogito Centre; 2004. 214 p. (In Russian).
19. *Vatsura V.V.* Features of ethnic heterostereotypes of young people with different types of ethnic identity. *Young scientist*. 2019;51(289):451–453. (In Russian).